

Р. Г. Емцов, Е. И. Андреева, М. А. Нагерняк, А. Пошарац, Д. Г. Бычков

Иждивенчество или содействие? Программы социальной помощи и стимулы к труду

Аннотация

Статья знакомит читателя с методами оценки влияния системы социальной помощи на стимулы к труду с иллюстрацией на репрезентативных данных выборочного обследования Росстатом доходов населения и участия в социальных программах. Показаны ключевые шаги проверки гипотезы о влиянии социальных пособий на стимулы к труду, а также необходимость проведения многофакторного анализа с применением методов оценки результатов. Сделан вывод о том, что средняя семья, среди членов которой есть получатели мер социальной поддержки, не может полагаться на пособия как на существенный источник средств к существованию, поэтому в целом социальные выплаты не оказывают влияния на уровень трудовой активности. Тем не менее авторы выдвигают гипотезу о том, что существуют отдельные группы получателей мер социальной поддержки, трудовая активность которых может испытывать сильное влияние социальных выплат. Во-первых, это относится к получателям социальных мер, размеры которых сопоставимы с размерами возможной заработной платы. В таком случае социальная поддержка может оказывать негативное влияние на занятость. Во-вторых, это получатели социальных выплат, предоставление которых связано с принадлежностью к определенной профессиональной группе. В этом случае, скорее всего, можно говорить о том, что социальные выплаты оказывают позитивное влияние на стимулы к труду. Проверка и анализ этих гипотез будет проводиться в последующих исследованиях авторов.

Ключевые слова:

программы социальной помощи, занятость, рынок труда, семьи с детьми, стимулы к труду, оценка эффективности социальной поддержки

JEL: I138

За последнее десятилетие в мире произошла существенная эволюция взглядов на социальную защиту, которая теперь рассматривается не просто как перераспределение ресурсов, а как инвестиции в инклюзивный экономический рост. Ряд эмпирических исследований (например, [1]) в странах ОЭСР и в развивающихся странах показал, что развитие систем социальной защиты ведет как к краткосрочному стимулированию экономики, так и к более устойчивому долгосрочному развитию. Краткосрочный эффект от участия в программах социальной защиты очевиден — это снижение глубины бедности и расширение возможности выбора занятости для наиболее нуждающихся. В современные программы социальной помощи включены стимулы к занятости и повышению производительности труда. На уровне экономики в целом и местных рынков социальные программы стабилизируют уровень платежеспособного спроса, способствуют преодолению кризисов и приводят к мультипликативному эффекту.

Главное требование к системе социальной помощи с такими позитивными экономическими эффектами — это обеспечение адекватности поддержки. Программа адекватна, если она предоставляет пособия в достаточном объеме достаточному числу людей и на протяжении достаточно продолжительного времени. В упрощенном виде оценка адекватности программы требует, как правило и как минимум, учета размера пособий по сравнению с нуждами получателей. В целом понятно, что копеечные выплаты приводят

к копеечным результатам, однако более глубокие оценки сильно зависят от контекста страны, в которой проводится анализ. Когда мы смотрим на российскую систему социальной защиты, состоящую из огромного количества мер и характеризующуюся высоким региональным неравенством [1], становится понятно, что система настолько разрозненная и нескоординированная, что проведение оценки ее эффективности — неизбежный шаг на пути ее совершенствования. Такая оценка включает в том числе ответ на вопрос, насколько уровень пособий в России является адекватным.

При оценке адекватности социальной помощи нужно принимать во внимание, что определение величины пособий или выплат — сложная политическая задача, при решении которой должны учитываться два аспекта. С одной стороны, социальные пособия призваны обеспечивать их получателям некий социальный минимум, гарантировать удовлетворение ключевых потребностей и смягчать последствия социальных рисков. Особенно когда речь идет о детских пособиях, неадекватно низкий размер социальной помощи может привести к ситуации, когда не соблюдаются права ребенка или налагаются серьезные ограничения на развитие его потенциала, что снижает его будущие возможности в сфере образования и на рынке труда. В таком случае оценить адекватность пособия можно, например, сравнив сумму денежной выплаты или натуральных льгот и услуг с нуждами получателя, которые могут определяться как дефицит дохода малоимущих (разрыв между доходами и чертой бедности или прожиточным минимумом) или как другие показатели в зависимости от целей пособия.

С другой стороны, неадекватно высокий размер пособий может снижать стимулы к занятости, тем самым повышая зависимость семьи от социальных выплат и в долгосрочном плане препятствуя ее выходу на самообеспечение. При этом важен выбор не только правильного размера пособия, но и его дизайна, в который можно заложить предоставление пособия при выполнении получателем определенных условий¹. Анализ адекватности социальной помощи с этой точки зрения должен включать в себя оценку возможных рисков возникновения отрицательных трудовых стимулов. Для такой оценки полезно сопоставлять размер получаемых пособий (сумму всех получаемых социальных выплат) с заработной платой — средней, минимальной, в типичных для получателей пособий условиях работы. Если пособия более чем адекватны и предоставляются тем, кто потенциально в них не нуждается и мог бы сам решать проблемы обеспеченности, расходы на социальную помощь будут не только не способствовать экономическому росту, но еще и тормозить его.

ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В РОССИИ

При оценке адекватности социальной помощи в России зачастую говорится о том, что большинство пособий незначительны по своим размерам. Так, например, размер ежемесячного пособия на ребенка в большинстве регионов не превышает 5 % от прожиточного минимума ребенка (в соответствии с расчетами авторов по данным Росстата, [1]). Вместе с тем существуют и достаточно высокие выплаты, хотя их гораздо меньше. Так, другое адресное детское пособие — ежемесячная денежная выплата при рождении третьего и последующих детей — по размеру равно прожиточному минимуму ребенка, установленному в соответствующем регионе. В 2015 г. размер этого пособия варьировался от 3 тыс. руб. (Республики Башкортостан и Хакасия) и 5 тыс. руб. (Московская и Оренбургская обл.) до 18 тыс. руб. (Магаданская обл.), 19 тыс. руб. (Камчатский край) и 20 тыс. руб. (Ненецкий автономный округ). Таким образом, особенностью российской системы является сильный разброс размеров пособий, а также получение не единственной меры, а целого набора мер социальной помощи одним получателем или одной семьей. Не стоит

¹ Например, про повышение занятости участников социальных программ можно посмотреть [2].

также забывать о том, что в целом система социальной защиты перераспределяет порядка 3 % ВВП² — величину более чем достаточную для ликвидации бедности и потенциально способную воздействовать на экономические процессы.

Большинство регионов не имеют информации о том, как на уровне домашних хозяйств аккумулируются разные виды помощи. Для получения этой информации необходимо использовать данные выборочных обследований населения, которые позволяют оценить масштабы перераспределения в целом и по разным группам. В России подобные репрезентативные обследования проводятся Росстатом, а данные, полученные в их рамках, публикуются на сайте в открытом доступе³. В этой статье в основном использованы данные Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (ВНДН), в рамках которого собираются подробные сведения о получаемой социальной помощи, а также данные по занятости, трудовым доходам членов домохозяйства и т. д.

Таблица 1

Охват населения социальными выплатами в зависимости от уровня дохода, средний размер выплат на члена домохозяйства получателя, вклад социальных выплат в доход, 2015 г.

Наименование показателя	Доходные группы				
	1-й квинтиль	2-й квинтиль	3-й квинтиль	4-й квинтиль	5-й квинтиль
Охват населения всеми социальными выплатами, кроме пенсий	79 %	74 %	68 %	59 %	49 %
Охват населения адресными выплатами	36 %	13 %	8 %	4 %	2 %
Средний денежный доход на члена домохозяйства, руб. в год	92 746	171 615	249 402	359 032	676 624
Средняя сумма социальных выплат на члена домохозяйства получателя, руб. в год	12 138	19 748	26 034	25 879	23 774
Средняя сумма адресных выплат на члена домохозяйства получателя, руб. в год	2828	3450	4709	6505	8338
Увеличение среднего подушевого дохода без учета социальных выплат в результате получения социальных выплат	15 %	13 %	12 %	8 %	4 %

Источник: рассчитано авторами по данным ВНДН-2016, Росстат.

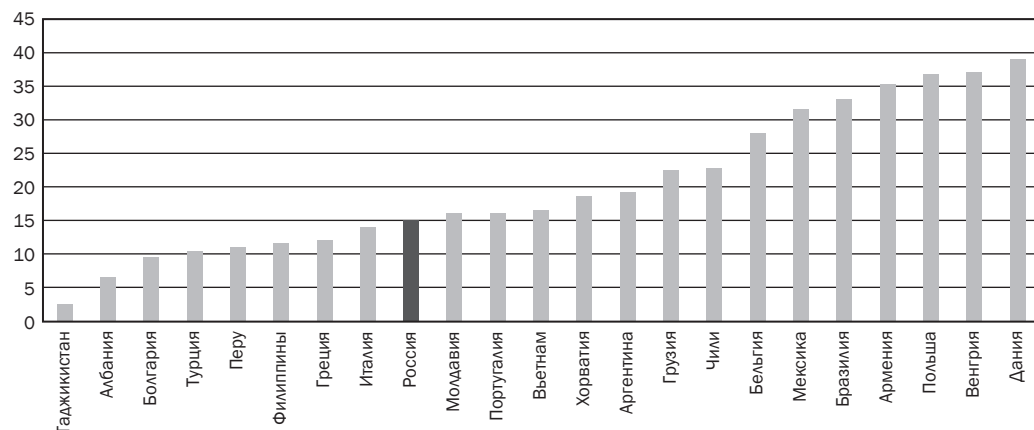
Что показывают эти данные? В России в целом достигается широкий охват населения мерами социальной поддержки, при этом она предоставляется представителям разных доходных групп. Так, с одной стороны, около пятой части беднейшего (первого) квинтиля (беднейший, или первый, квинтиль — это 20 % населения с самыми низкими доходами; в данном случае доходы берутся до выплаты пособий) проживает в домохозяйствах, которые не получают мер социальной поддержки, в то время как около 50 % представителей пятого (самого богатого) доходного квинтиля являются членами домохозяйств, где кто-то получает меры социальной поддержки. Это связано с тем, что меры поддержки носят преимущественно категориальный (не адресный) характер, адресность может быть неточной или основываться на показателях дохода получателя, а не его семьи. В целом контингент, не охваченный мерами социальной помощи, отличается от получателей таких мер, и эти системные отличия — ключевой вопрос при оценке влияния получения пособий на трудовое поведение.

² Расчеты авторов на основе данных Федерального казначейства и Росстата.

³ Итоги федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm).

Рисунок 1

Доля социальной помощи (без пенсий) в доходах получателей (без учета пособий), %

Источник: база данных ASPIRE (<http://datatopics.worldbank.org/aspire/>), 2012–2015 гг., данные за последний имеющийся год.

Еще один важный вопрос — размер пособий. Средний получатель мер социальной поддержки в наименее обеспеченном квинтиле населения увеличивает свой доход на 15 % по сравнению с уровнем дохода до выплат пособия. Такое увеличение считается весомым и вполне сопоставимо с выплатами в других странах мира, при этом именно граница в 15–20 % оптимальна для того, чтобы пособия не снижали стимулы к занятости⁴. Однако особенностью российской системы является крайне большой разброс вокруг средней и отсутствие точной адресности. Как уже сказано выше, есть те, кто не получает никаких МСП либо получает мизерные пособия, доступ к которым связан с издержками на предоставление документов, посещение центров социальной помощи и т. д. В таком случае система социальной поддержки, вероятнее всего, не оказывает никакого влияния на стимулы к занятости. Вместе с тем многие группы лиц в трудоспособном возрасте получают достаточно весомую социальную поддержку, особенно если она складывается из нескольких видов пособий. Например, для групп населения с низкой квалификацией или проживающих в депрессивных регионах суммарный размер мер социальной поддержки может быть сопоставим с зарплатой, на которую эти группы могут претендовать. В таких случаях возникает риск субституции, когда получатель либо отказывается от труда или поиска достойно оплачиваемой работы, либо соглашается на минимальную оплату при минимуме трудовых усилий.

ПРОБЛЕМА ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО И ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСОБИЙ НА ТРУДОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Таким образом, проблема стимулов существует, и проблема задействования потенциала помощи как фактора роста актуальна для России, как и для большинства стран мира со сложными системами социальной поддержки. Существует и обширная литература, рассматривающая эту проблему. Например, ссылаясь на результаты десятков исследований влияния пособий на трудовую активность в развивающихся странах, Г. Альдерман и Р. Емцов

⁴ Оценка, основанная на информации из международной базы данных «Атлас индикаторов социальной защиты Всемирного банка» (ASPIRE) (<http://datatopics.worldbank.org/aspire/>).

показывают, что в большинстве случаев негативные стимулы к трудовой активности отсутствуют, причем некоторым исследователям удалось даже выявить слабую положительную связь между получением МСП и занятостью [3]. Исключением из правила является детский труд и занятость пожилых: в обоих случаях пособия снижают трудовую активность, что нельзя назвать негативным социальным последствием. При этом воздействие на заработки, как правило, является положительным и связано с повышением производительности участников социальных программ и качества их социального капитала. Однако в развитых странах ситуация иная: давно показано, что пособия по безработице снижают стимулы к поиску работы [4–6], а получение других видов помощи влияет на занятость групп с низким образованием, квалификацией или недостаточным трудовым стажем [2; 7].

ПОПАРНОЕ СРАВНЕНИЕ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ И НЕПОЛУЧАТЕЛЕЙ МСП И НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В данной работе мы эмпирически оцениваем трудовую активность получателей мер социальной помощи в России с помощью парных сравнений получателей и не получателей МСП, обладающих сходным социально-экономическим статусом. Такое простейшее сопоставление получателей и не получателей — лишь первый шаг в исследовании трудового поведения населения. Во всех приведенных выше публикациях о влиянии МСП на занятость населения использовался метод сравнения с контрольной группой, которая формировалась таким образом, чтобы сгладить все прочие различия между получателями и не получателями⁵. Используемый здесь метод попарных сравнений позволит нам увидеть, есть ли почва для часто озвучиваемых опасений иждивенчества, и продемонстрирует, какие ошибки можно допустить, сопоставляя семьи получателей и не получателей пособий напрямую.

Мы сопоставляем не только трудовую активность, но и уровень трудовых доходов — как получателей, так и не получателей. При этом мы выделяем подгруппу получателей адресных мер как наиболее нуждающихся в содействии для повышения заработков и наиболее подверженных риску отрицательных стимулов (по сравнению, например, с пенсионерами или сельскими специалистами, чьи МСП являются, по сути, добавкой к зарплате или пенсии).

Наша гипотеза заключается в том, что МСП в России не содержат или почти не содержат мер поддержки занятости, но и не создают отрицательных стимулов к труду для большинства получателей, поэтому в среднем они не оказывают негативного влияния на занятость и доходы наиболее нуждающихся.

Средний размер МСП, составляющий, как показано выше, 15 % от дохода нижнего квинтиля, недостаточен для преодоления бедности и выхода за черту малообеспеченности (дефицит дохода, т. е. разрыв между получаемым денежным доходом и линией бедности, равной региональному прожиточному минимуму, у представителей первого квинтиля составляет, по нашим оценкам, 42 тыс. руб. в год). Таким образом, получатели в среднем не могут рассчитывать на пособия как на достаточный источник средств для решения своих проблем и должны работать, чтобы обеспечить свои минимальные потребности. Однако на фоне средней картины есть получатели, для которых пособие будет достаточным, и эффект присутствия таких лиц может быть виден при сопоставлениях групп получателей и не получателей.

Мы проводим сопоставления, используя данные 2015 г. (ВНДН-2016, Росстат). В числе получателей учитываются все бенефициары, т. е. члены семей, в которых есть получатели соответствующих выплат (получателями адресных мер могут быть как все члены семьи

⁵ Методологические подходы к оценке эффективности и результативности подробно обсуждались и представлены в материалах совместного семинара Всемирного банка и Министерства финансов РФ «Оценка результативности: теоретические подходы и практика применения для повышения эффективности политики в сфере социальной защиты» 24–25 мая 2017 г.

(субсидии на ЖКХ), так и дети (детское пособие), поэтому вопрос о работающих-неработающих применительно к непосредственным получателям поставить нельзя, а применительно к косвенным бенефициарам — можно). Учитывались только лица в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста. Квинтили определялись по денежному доходу до налогов.

Первое сравнение (рассматриваются все лица старше детского возраста, включая пенсионеров) показывает, что и получатели мер социальной поддержки в целом (нижняя панель табл. 2), и получатели адресных мер (верхняя панель табл. 2) отличаются от неполучателей, соответственно, любых МСП и неполучателей адресных мер как по уровню занятости, так и по уровню трудовых доходов. При этом данные эффекты различаются для разных групп. Получатели всех МСП отличаются несколько пониженной занятостью (например, в первом квинтиле получателей 51 % работающих против 55 % в первом квинтиле неполучателей). У получателей адресных мер в первом квинтиле соотношение обратное: те, кто получает эти меры, отличаются более высокой трудовой активностью (58 %), чем неполучатели (50 %). По уровню заработков нижний и верхний квинтили отличаются более высокими доходами среди неполучателей, но вот для середины распределения наблюдается обратная ситуация: получатели мер характеризуются более высокими доходами.

Таблица 2

Доля работающих и неработающих среди лиц в трудоспособном возрасте и старше в разбивке по доходным квинтилям; их средний трудовой доход и средний размер адресных выплат (на члена домохозяйства)

Наименование показателя	Доходная группа				
	1-й квинтиль	2-й квинтиль	3-й квинтиль	4-й квинтиль	5-й квинтиль
Адресные меры:					
Получатели					
работающие взрослые	58 %	59 %	63 %	68 %	66 %
неработающие взрослые	42 %	41 %	37 %	32 %	34 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	148 104	222 810	321 402	468 832	564 832
средний размер адресных выплат (на члена домохозяйства), руб. в год	2703	3680	5243	6823	9631
распределение получателей по квинтилям	53 %	22 %	14 %	8 %	3 %
Неполучатели					
работающие взрослые	50 %	52 %	67 %	81 %	89 %
неработающие взрослые	50 %	48 %	33 %	19 %	11 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	154 670	231 397	291 751	364 382	638 724
распределение неполучателей по квинтилям	13 %	19 %	21 %	23 %	24 %
Все меры:					
Получатели					
работающие взрослые	51 %	46 %	57 %	72 %	83 %
неработающие взрослые	49 %	54 %	43 %	28 %	17 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	151 829	234 538	321 402	468 832	564 832
средний размер выплат, руб. в год	11 393	17 595	23 309	23 376	22 068
распределение получателей по квинтилям	20 %	23 %	21 %	19 %	17 %
Неполучатели					
работающие взрослые	55 %	72 %	86 %	92 %	94 %
неработающие взрослые	45 %	28 %	14 %	8 %	6 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	154 398	223 152	290 043	365 334	682 785
распределение неполучателей по квинтилям	11 %	14 %	18 %	25 %	32 %

Источник: рассчитано авторами по данным ВДН-2016, Росстат.

Еще более заметны различия в занятости и уровне дохода между первым и последующими квинтилями. Эти различия в трудовой активности и заработках и предопределяют риск бедности, а социальная помощь настолько мала по сравнению с трудовыми доходами, что воздействия на решение получателей работать или нет, скорее всего, не оказывает. Наконец, и размер получаемых пособий прямо коррелирует с размерами заработков — никакого выравнивающего эффекта или субституции низких трудовых пособий социальной помощью не наблюдается.

Как видим, при таких сопоставлениях невозможно однозначно выявить систематический эффект от получения мер социальной поддержки. Отчасти это связано с наличием методологических ограничений на проведение подобных сопоставлений. Вероятно, семьи получателей МСП имеют системные отличия от семей неполучателей. Например, некоторые детские пособия являются универсальными и выплачиваются всем семьям с детьми. Таким образом, наличие детей автоматически переводит домохозяйство в разряд получателей МСП, но одновременно наличие детей — очень сильный фактор, влияющий на занятость родителей, особенно матерей. При этом следует признать, что существующие меры поддержки не оказывают им адекватной помощи при возвращении на рынок труда.

Дополнительным фактором является наличие в домохозяйствах членов — получателей МСП, нуждающихся в уходе, и их влияние на занятость трудоспособных. Возможная ситуация — сами пособия не влияют на стимулы к труду, а вот отсутствие социальных услуг по уходу (в данном случае за пожилыми) и компенсация их выплатами приводит к тому, что семьи, которые получают МСП, характеризуются сокращенным потенциалом участия на рынке труда своих трудоспособных членов, поскольку последние вынуждены часть своего времени отводить на уход. Другой предполагаемый фактор связан с тем, что получение мер социальной поддержки пенсионерами ведет к более сильному снижению стимулов к труду у работающих пенсионеров.

Таким образом, системные различия между наблюдаемой и контрольной группой — это классический случай, когда прямое сопоставление средних приведет к неправильной, смещенной оценке эффекта, в данном случае влияния МСП на трудовую активность. Единственный способ скорректировать это — найти методом многофакторного анализа более подходящие для сравнения группы [6; 8; 9–12]. Такой многофакторный анализ запланирован нами на следующем этапе работы. Пока проверим гипотезу, что исключение определенных возрастных групп влияет на результаты сопоставления.

При ограничении выборки только домохозяйствами с членами в трудоспособном возрасте (без семей с пенсионерами) результаты меняются и становятся более явными различия между получателями и неполучателями МСП, в частности то, что неполучатели отличаются более высокой трудовой активностью. Эффекты в отношении величины дохода по-прежнему разнонаправлены для разных групп. Исключение семей с пенсионерами, конечно, не решает проблему влияния наличия детей на трудовую активность, скорее даже заостряет ее. Также стоит предположить, что на заработки оказывают влияние следующие факторы: место проживания, квалификация и образование, которые также могут оказывать влияние и на доступ к МСП.

На основе такого сопоставления нельзя сделать выводы об иждивенчестве получателей МСП или снижении стимулов к труду. Простое сопоставление уровней доходов и трудовой активности между разными доходными группами показывает, что главным фактором, определяющим положение получателей и неполучателей МСП, является состояние рынка труда. Также не наблюдается влияния факта получения меры социальной поддержки на перспективы заработков. Такое положение дел характерно как для адресных, так и для категориальных мер социальной поддержки.

Таблица 3

Доля работающих и неработающих среди лиц в трудоспособном возрасте из семей, где нет пенсионеров, в разбивке по доходным квинтилям; их средний трудовой доход и средний размер адресных выплат (на члена домохозяйства)

Наименование показателя	Доходная группа				
	1-й квинтиль	2-й квинтиль	3-й квинтиль	4-й квинтиль	5-й квинтиль
Адресные меры:					
Получатели					
работающие взрослые	66 %	76 %	82 %	82 %	84 %
неработающие взрослые	34 %	24 %	18 %	18 %	16 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	151 415	232 265	361 550	474 986	551 817
средний размер адресных выплат (на члена домохозяйства), руб. в год	2804	3038	4259	4626	4778
распределение получателей по квинтилям	60 %	19 %	11 %	8 %	2 %
Неполучатели					
работающие взрослые	67 %	81 %	88 %	91 %	94 %
неработающие взрослые	33 %	19 %	12 %	9 %	6 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	162 741	248 151	313 086	388 341	684 857
распределение получателей по квинтилям	13 %	15 %	19 %	24 %	29 %
Все меры:					
Получатели					
работающие взрослые	65 %	75 %	83 %	85 %	88 %
неработающие взрослые	35 %	25 %	17 %	15 %	12 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	158 884	259 192	332 995	415 953	639 847
средний размер адресных выплат (на члена домохозяйства), руб. в год	11 949	21 402	28 927	28 860	28 927
распределение получателей по квинтилям	30 %	20 %	19 %	18 %	14 %
Неполучатели					
работающие взрослые	72 %	87 %	92 %	95 %	96 %
неработающие взрослые	28 %	13 %	8 %	5 %	4 %
средний трудовой доход до налогов, руб. в год	158 534	230 858	302 635	377 642	696 961
распределение получателей по квинтилям	9 %	12 %	17 %	25 %	36 %

Источник: рассчитано авторами по данным ВДН-2016, Росстат.

Таким образом, наши сравнения при всей их ограниченности показывают, что есть основания для опасения — потенциал мер социальной помощи в отношении повышения трудовой активности или заработков не задействован и не оказывает видимого влияния ни на трудовую активность, ни на заработки наиболее нуждающихся. Нужны меры по стимулированию и активации определенной части получателей. И у получателей, и у неполучателей из нижнего квинтиля низкая занятость и низкие доходы — это и есть причина их сложного положения. Система МСП не сильно снижает стимулы к труду, но это предстоит перепроверить на последующих этапах работы. Обнаруживается проблема того, что система социальной помощи никак не помогает получателям МСП находить более высокооплачиваемую работу или работу в принципе.

Библиография / References

1. Развитие эффективной социальной поддержки населения в России: адресность, нуждаемость, универсальность / Под ред. к. э. н. В. Назарова и А. Пошарац. Научный доклад. М.: Научно-исследовательский финансовый институт; Всемирный банк, 2017. [The Emergence of Efficient Social Support in Russia: Targeting, Neediness, Common Eligibility Rules. Ed. by Nazarov V. and Posarac A. Moscow: Financial Research Institute, The World Bank, 2017 (in Russ.)].
2. Blundell R., Hoynes H. Has "In-Work" Benefit Reform Helped the Labor Market? *NBER Working Paper*, 2001, no. 8546.
3. Alderman H., Yemtsov R. How Can Safety Nets Contribute to Economic Growth? Policy Research Working Paper 6437. Washington, DC: World Bank, 2013.
4. Ham, J., Svejnar J., Terrell K. Unemployment and the Social Safety Net during Transitions to a Market Economy: Evidence from the Czech and Slovak Republics. *American Economic Review*, 1998, no. 88 (5).
5. Micklewright J., Nagy G. The Implications of Exhausting Unemployment Entitlement in Hungary. Budapest University of Economics. *Budapest Working Paper on the Labour Market*, no. 1998/2.
6. Van Ours J., Vodopivec M. Duration of Unemployment Benefits and Quality of Post-Unemployment Jobs: Evidence from A Natural Experiment. Policy Research Working Paper 4031. Washington, DC: The World Bank, 2006.
7. Immervoll H., Pearson M. A Good Time for Making Work Pay? Taking Stock of In-Work Benefits and Related Measures across the OECD / OECD Social, Employment and Migration Working Papers 81, OECD Publishing, 2009.
8. Galasso E. Alleviating Extreme Poverty in Chile: The Short Term Effects of Chile Solidario. *Estudios de Economia*, 2011, no. 38 (1).
9. Galasso E., Ravallion M., Salvia A. Assisting the Transition from Workfare to Work: A Randomized Experiment. *Industrial and Labor Relations Review*, 2004, vol. 57, no. 5.
10. Almeida R., Arbelaez J., Honorati M. Improving Access to Jobs and Earnings Opportunities: The Role of Activation and Graduation Policies in Developing Countries. Social Protection and Labor Discussion Paper 1024. The World Bank, 2012.
11. Banerji A., Cunningham W., Fiszbein A. et al. Stepping Up Skills for More Jobs and Higher Productivity. Washington, DC: The World Bank, 2010.
12. Fiszbein A. Conditional Cash Transfers: Reducing Present and Future Poverty. Washington, DC: The World Bank, 2009.

Авторы

Емцов Руслан Георгиевич, ведущий экономист Всемирного банка
(e-mail: ryemtsov@worldbank.org)

Андреева Елена Игоревна, ст. науч. сотр. Центра бюджетной политики Научно-исследовательского финансового института
(e-mail: andreeva@nifi.ru)

Нагерняк Мария Александровна, специалист в сфере социальных проектов Всемирного банка
(e-mail: mnagernyak@worldbank.org)

Пошарац Александра, ведущий экономист Всемирного банка
(e-mail: aposarac@worldbank.org)

Бычков Дмитрий Геннадьевич, к. соц. н., вед. науч. сотр. Центра бюджетной политики
Научно-исследовательского финансового института
(e-mail: bychkov@nifi.ru)

R. G. Yemtsov, Ye. I. Andreeva, M. A. Nagernyak, A. Posarac, D. G. Bychkov

Fostering of Dependency or Protection?

Social Assistance Programs and Work Incentives

Abstract

The paper introduces the methods of assessing the effects of social assistance on work incentives, using representative Rosstat survey data as illustration. It also demonstrates the key steps of testing the hypothesis of the social benefits effect on work incentives, as well as the need for conducting multi-factor analysis coupled with impact evaluation methods. The key finding from descriptive analysis is that an average household that has recipients of social benefits among its members cannot rely on social benefits as a significant source of means of subsistence, therefore social transfers do not produce a sizeable effect on work behavior. Nevertheless, the authors propose a hypothesis that there are certain groups of social transfers beneficiaries whose work behavior may be strongly affected by social transfers. Firstly, this refers to recipients of social transfers, the size of which is comparable to the anticipated wage size. In such cases, social transfers can produce a negative employment effect. Secondly, this could refer to recipients, whose eligibility to social transfers is related to their belonging to a certain professional group. In this case, in all likelihood, social transfers create economic incentives to stay in these professional groups, reducing labor mobility. The testing and analysis of these hypothesis will be presented in forthcoming papers by the authors.

Keywords:

programs of social assistance, employment, labor market, families with children, work incentives, efficiency of social support

JEL: I138

Authors' affiliation:

Yemtsov Ruslan G. (e-mail: ryemtsov@worldbank.org), World Bank

Andreeva Yelena I. (e-mail: andreeva@nifi.ru), Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation

Nagernyak Maria A. (e-mail: mnagernyak@worldbank.org), World Bank

Posarac Aleksandra (e-mail: aposarac@worldbank.org), World Bank

Bychkov Dmitry G. (e-mail: bychkov@nifi.ru), Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation